

Ю. И.
АЙХЕНВАЛЬД

Избранное

Юлий Айхенвальд
Помяловский

«Public Domain»

1914

Айхенвальд Ю. И.

Помяловский / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain»,
1914 — (Силуэты русских писателей)

ISBN 978-5-457-32382-7

«Помяловский – большая литературная возможность, которая не успела осуществить себя вполне, но проявилась уже все-таки во многом и ценном. Одновременно бурсак и романтик, писатель безобразия и поэт Леночки, изобразитель грубого быта и тонкий психолог, он был жестоко надломлен жизнью, впечатлениями „кладбищенства“ и бурсы, и потому на его произведениях осталась печать нецельности...»

ISBN 978-5-457-32382-7

© Айхенвальд Ю. И., 1914
© Public Domain, 1914

Юлий Исаевич Айхенвальд Помяловский

Помяловский – большая литературная возможность, которая не успела осуществить себя вполне, но проявилась уже все-таки во многом и ценном. Одновременно бурсак и романтик, писатель безобразия и поэт Леночки, изобразитель грубого быта и тонкий психолог, он был жестоко надломлен жизнью, впечатлениями «кладбищенства» и бурсы, и потому на его произведениях осталась печать нецельности. Он даже своему художественному делу не отдавался беззаветно, ему беллетристика не всегда казалась самоцелью; нередко прерывал он ее вставками делового содержания – например, каким-нибудь педагогическим рассуждением, страницами об институтских порядках. В самом таланте его слышится некоторый привкус автодидактизма; и точно сам автор считал себя эстетически неравноправным, неполноправным и не дерзал на чистое искусство. С другой стороны, его дарование, хотя и не подражательное, полно тех мотивов, что звучат и у наших классиков. У Помяловского есть сатира и реализм, которые напоминают Гоголя; в изображении молотовской любви к вещам и комнате, к хозяйственному и семейному комфорту, к уютной оседлости есть что-то гончаровское; наконец, мы слышим и тургеневские звуки – там, где Помяловский описывает любовь и кисейную девушку.

Он был отравлен в преддверии жизни – в детском аду своей школы; и с тех пор истерзанную душу свою ничем уже не мог он целить – разве алкоголем, который в конце концов, или, вернее, в начале начал, совсем молодым, и потопил его в своей мертвой пучине. Двойник Карася, того мальчика, который был физически и нравственно иссечен на первых же шагах своего школьного пути и в «мертвенной безнадежности», в «глухом отчаянии» заглянул в «широкую, бездонную, зияющую пропасть бурсацких ужасов»; которого свирепо истязали на лобовских «воздухах», так что в кричащее «живое мясо впивались красными и темными рубцами жгучие, острые, яростные лозы», – Карась-Помяловский навсегда сохранил мучительные воспоминания, и тень всяческого цинизма, бесстыдной розги, злой нелепости оскорбила его воображение, надвинулась на его духовный мир. И возникло отвращение к жизни, недоверие к людям – темный и жуткий скептицизм. В лице художника Череванина изобразил писатель такое ужасающее уныние, такую смерть в душе, такое ощущение безысходной скуки и нигилизма, что всякому становится близкой и страшной та мука, которую тщетно заливали вином и Помяловский, и его герой, его доверенное лицо. В нашей литературе нет страниц большей безнадежности, чем те, на каких высказывает свое мирозерцание Череванин, воспитанный кладбищем и повсюду видящий одни только «веселенькие пейзажики», т. е. сплошную муть глупости и страдания. Он думает не только о своей физической смерти, о том, как «захлопнут гроб крышкой и завинтит ее вечным винтом вечного цеха мастер, гробовщик Иван Софронов»; он испытывает такое настроение, что вся жизнь вообще – длительная смерть и мы только и делаем, что умираем, замираем, отходим. «Знаешь ли, – что значит честно мыслить, не бояться своей головы, своего ума, смотреть в свою душу не подличая, а если не веришь чему, так и говорить, что не веришь, и не обманывать себя? О, это тяжелое дело!.. Я не хочу вашего спокойствия. Есть страшные мысли в мире идей, и бродят они днем и ночью, и когда рисуешь, и когда вино пьешь. Особенно когда находишься один, глухо вокруг тебя, задумаешься, фантазия и образы растут, мысли поднимаются на такую высоту, что кажутся дикими; но идет за ними душа до тех пор, что начинаешь бояться за свой рассудок и в страхе хватаешь в руки голову... Но редко я живу теперь мыслью, состарился и измучился бесплодно. Гаснет хмель в речах, всякая мечта замирает, не чувствую злости ко злу, расположения к добру, смех пропадает: хоть бы совесть мучила, и того нет; скоро я, кажется, совсем мучиться перестану, – останется одна бесчувственность...

Не желал бы я воротить свою молодость! Ей-Богу, не желал бы! Не надо мне ее, не надо! Это время выработывания идей, непонимания жизни и осмысливания ее, взъерошивания волос, – одушевленные лица, бессонные ночи, горячие речи, – все это опротивело мне, потому что человек как ни горячится, а все-таки кончит тем, что оплешивеет и окиснет. А где же моя детская жизнь? Она стала предметом умозрения, фантазии, общих фраз и слепого воспоминания. Все состояния тела и души, все, что составляет жизнь, есть предмет забвения. Все события от времени потеряли цвет подробностей и значение внутреннего смысла, цепь жизни разорвана на куски, пружины и кольца распаялись. Чем доказать, что я жил? Пусть другие нас забудут: надо ли думать о бессмертии? но неужели я так ничтожен, что не стою собственного внимания и памяти? Скучно, скучно!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.